

Российский опыт

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-5

Социальные последствия экономических реформ: субъективное восприятие vs статистические данные

Сергей Николаевич СМИРНОВ

доктор экономических наук, заведующий центром, Центр анализа социальных программ и рисков, Институт социальной политики Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), 109028, Покровский бульвар, д. 11, Москва, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, отдел экономики Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), 117418, Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация
E-mail: sernsmirnov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9206-0167

ЦИТИРОВАНИЕ: Смирнов С.Н. (2021). Социальные последствия экономических реформ: субъективное восприятие vs статистические данные // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 5. С. 100–118. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-5

Статья поступила в редакцию 15.07.2021.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Статья написана в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований №19-011-00943 «Вперед к прошлому: архаика и архаизационные тенденции в современном российском обществе (междисциплинарный анализ)».

АННОТАЦИЯ. *Отношение населения России к экономическим реформам, которые начались в стране в январе 1992 г., остается неоднозначным. Сторонники либеральной точки зрения подчеркивают, что правительство «младореформаторов» открыло путь к экономической свободе. Критики реформ полагают, что социальная и финансовая цена, которая была заплачена населением за переход к рынку, оказалась слишком высокой. Дискуссии преимущественно ведутся в предметном поле политики, а не экономики и социальной*

сфере. В статье на основе официальных статистических данных предпринята попытка объективно оценить, в какой мере ситуация начала 1990-х годов была неизбежна, а в какой мере она стала следствием экономических реформ. В поле статьи анализируются наиболее острые с социальной точки зрения проблемы – обесценивание дореформенных вкладов населения и ухудшение демографических показателей, в то время как влияние реформ на рынок труда является отдельной проблемой, заслуживающей специального рассмотрения.

Признавая неизбежность рыночных реформ, автор показывает нереализованные в силу тех или иных причин варианты смягчения остроты социальной ситуации и некоторые из компенсирующих инструментов, которые были использованы Правительством России на начальном этапе реформ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экономические реформы, дореформенные вклады населения, компенсационные механизмы, рождаемость, смертность, продолжительность жизни.

Постановка проблемы

Экономические реформы, которые стали проводиться в России формально со 2 января 1992 г., когда были частично либерализованы потребительские цены, не имеют однозначной оценки в современном российском обществе. Спустя три десятилетия после запуска новой экономики страны позиции сторон, видящих в них либо преимущественно положительные моменты, либо категорически не приемлющих действия «правительства младореформаторов», не сблизились ни на шаг. При этом если первые остаются, как правило, вне политики, руководствуясь логикой экономических дискуссий, то вторые в конечном счете так или иначе переходят к использованию политических аргументов, а также к персональным оценкам конкретных личностей, запустивших экономические реформы.

Критики экономической политики начала 1990-х годов говорят, прежде всего, о тех негативных социальных последствиях, которые, по их мнению, были обусловлены реформами. Наиболее часто при этом используются два

аргумента: во-первых, экономические реформы обесценили дореформенные сбережения населения. Во-вторых, в стране сократилась рождаемость, а в 1993 г., когда кривые рождаемости и смертности населения пересеклись и число умерших в календарном году стало превышать число родившихся, сформировался так называемый русский крест.

На первый взгляд, подобная позиция критиков реформ неубиваема: оба явления действительно имели место, что формально подтверждается данными государственной статистики. Однако во многих случаях *post hoc ergo propter hoc*¹, и трактовка экономических и социальных проблем России начала 1990-х годов исключительно в качестве негативного результата именно реформ, а не как следствия предыдущего развития является серьезной методологической ошибкой. В настоящей статье предпринята попытка, с использованием имеющихся в открытом доступе статистических данных, проанализировать аргументы критиков реформ и разобраться, в какой мере они стали причиной обесценивания сбережений населения и демографического спада в начале 1990-х годов.

Дореформенные сбережения населения

Начнем с того, что является наиболее близким и понятным для каждого человека, семьи, домохозяйства – их денежных сбережений. Но прежде чем обратиться к статистическим данным, следует отметить, что серьезных академических исследований, посвященных этим сбережениям и их практически одномоментному обесцениванию по-

1 После этого не значит вследствие этого (*лат.*).

сле либерализации цен в 1992 г., практически нет. Достаточно, например, отметить, что в 1992–1993 гг. ни одной публикации на эту тему не было ни в одном из ведущих российских экономических журналов – «Экономисте» (бывш. «Плановое хозяйство»)², соучредителем которого является нынешнее Министерство экономического развития Российской Федерации.

Дискуссанты, не исключая и серьезных исследователей, ведут свой спор преимущественно на страницах периодических изданий, иногда специализированных, но не относящихся к собственно научным. Наиболее известным исключением является монография «Гибель империи», где ее автор, личность которого у многих ассоциируется с обесцениванием советских вкладов, высказывает свое отношение к этой проблеме, фактически подтвердив невозможность ее решения в существовавшей системе без принятия каких-либо иных управленческих решений. Так, в книге отмечено, что товарные запасы в стране в расчете на рубль денежных средств населения (вклады, наличные деньги, ценные бумаги), составившие в 1970 г. 0,62 руб., в 1985 г. снизились более чем вдвое – до 0,3 руб., а по данным на 1 сентября 1991 г. этот показатель составил всего 0,14 руб. [Гайдар, 2006, с. 226]. Таким образом, темпы снижения реальной покупательной способности населения во второй половине 1980-х годов фактически утроились по сравнению с предыдущим 15-летием. И вклады населения СССР в учреждениях Сбербанка не имели реального товарного обеспечения. Если в 1980 г. их величина составила 156,5 млрд руб., то в 1985 г. – 220,8 млрд руб., а в 1990 г. – уже 337,8 млрд руб.³ За последнее десяти-

летие существования СССР они увеличились почти в два с половиной раза, в том числе за последнее пятилетие существования страны – почти на три четверти.

Однако подобная, благоприятная, на первый взгляд, динамика сбережений граждан отнюдь не свидетельствовала о «неуклонном росте благосостояния советских людей», поскольку потребительский рынок в стране был разбалансирован. В отличие от рыночной экономики, где дефицитом являются деньги, в плановой экономике СССР дефицитными были товары и услуги. В результате все большая часть текущих доходов населения, которая не могла быть использована на потребительском рынке, трансформировалась в сбережения населения. В 1989 г. они составили 60,5% полученных доходов по сравнению с 55,8% в 1986 г. Превышение доходов над расходами граждан страны во второй половине 1980-х годов также постоянно увеличивалось: если в 1985 г. оно составило 24,4 млрд руб., или 5,8% полученных доходов, то в 1990 г. – уже 80,5 млрд руб. (соответственно 12,3%), или в 2,2 раза больше.

Владея данной статистикой, трудно не согласиться с мнением эксперта, что «формирование огромных сбережений граждан в Сбербанке и их “уничтожение” при либерализации цен были производными одного явления – хронического дефицита товаров, характерного для социализма», а «советское руководство создало иллюзию наличия больших накоплений, давая гражданам возможность периодически что-нибудь купить по фиксированным ценам. [...] Это была одна большая пирамида иллюзий, и вклады советских граждан находились в основании этой пирамиды».

2 <http://www.economist.com.ru/archive.htm>, дата обращения 04.05.2021.

3 Здесь и ниже, если не оговорено особо, статистические данные приведены по статистическим ежегодникам Госкомстата СССР «Народное хозяйство СССР» за соответствующие годы.

Стоит заметить, что на риски обесценения сбережений населения в СССР обращали внимание зарубежные исследователи российской экономики еще в середине 1980-х годов. В условиях дисбаланса между спросом и предложением на потребительском рынке в стране при разработке планов на очередной год необходимо было обеспечивать не только удовлетворение текущих потребностей, но и отложенный спрос. При этом при постоянном дефиците товаров и услуг восстановить покупательную способность сбережений населения становилось все сложнее [Sedik, 1985, p. 8].

Если следовать условным историческим аналогиям, то сбережения населения в 1980-е годы фактически постепенно превращались в обязательные для приобретения облигации государственных займов развития народного хозяйства СССР для населения выпусков 1946–1957 гг. Выплаты по ним и их погашение (за исключением займа 1957 г., который был погашен в 1962 г.) в 1957 г. были приостановлены Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 19 апреля 1957 г. № 435 «О государственных займах, размещаемых по подписке среди трудящихся Советского Союза». Пунктом 2 данного документа было предусмотрено прекращение проведения «тиражей выигрышей ранее выпущенных государственных займов, размещенных по подписке среди населения»⁴.

Но на этом аналогии с дореформенными вкладами населения заканчиваются, поскольку тем же пунктом постановления было предусмотрено не полностью аннулировать обязательства го-

сударства по обслуживанию этих займов, а только «отсрочить на 20 лет погашение облигаций». И этот пункт постановления был реально выполнен, причем даже с некоторым календарным опережением, поскольку погашение облигаций займов началось уже в 1974 г. на основе решения, принятого XXIV съездом КПСС⁵. Погашение производилось по нарицательной стоимости облигации, деноминированной в 10 раз в связи с проведенной в 1961 г. в стране денежной реформой.

Принципиально иные решения были реализованы в России в отношении дореформенных сбережений населения. Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 1993 г. № 2297 «О единовременных компенсациях вкладчикам Сберегательного банка Российской Федерации, имевшим вклады на 1 января 1992 г.» была установлена частичная компенсация этих вкладов в трехкратном их размере. При этом выплата компенсаций производилась пенсионерам и инвалидам начиная с 1 февраля 1994 г., а остальным вкладчикам – начиная с 1 июля 1994 г. Такая компенсация совершенно не решала проблему восстановления обесцененных дореформенных вкладов населения России, поскольку потребительские цены в стране только в 1992–1993 гг. выросли по сравнению с 1991 г. почти в 211 раз (в 1992 г. – в 25,1 раза и в 1993 г. – в 8,4 раза). Таким образом, покупательная способность 1000 руб., которые лежали на вкладе физического лица в Сбербанке в конце 1991 г., к началу 1994 г. упала менее чем до 5 руб. Компенсация в лучшем случае увеличивала ее без уче-

4 <https://docs.cntd.ru/document/765714023>, дата обращения 25.04.2021.

5 Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971–1975 годы (1971) // XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза 30 марта – 9 апреля 1971 года. Стенографический отчет. II. М.: Издательство политической литературы. С. 285 // https://istmat.info/files/uploads/52749/24_sezd_chast_2_1971.pdf, дата обращения 25.04.2021.

та инфляции в 1994 г. немногим более чем до 14 руб. Впрочем, реальная компенсация дореформенных вкладов, судя по воспоминаниям одного из непосредственных участников тех событий, не предполагалась: «Тезис, который был взят на вооружение: «Не мы трагичны – отдавать ничего не будем»⁶. При этом нельзя забывать, однако, и того обстоятельства, что в течение 1991 г. 1000 руб., лежавших на вкладах населения в его начале, обесценились более чем в полтора раза – до 595 руб., поскольку годовая инфляция составила 168%. И вот этот рост цен, который стал следствием действий союзного правительства, вменить в вину «младореформаторам» неправомерно. Фактически Правительство СССР предприняло в 1991 г. первую попытку определить реальную покупательную способность советского рубля.

19 марта 1991 г. Постановлением Кабинета министров СССР № 105 были установлены предельные размеры повышения государственных розничных цен на основные товары народного потребления и тарифов на услуги для населения, которые были воспроизведены в соответствующих документах правительств союзных республик. Фактически этим постановлением был признан тот факт, что государственные розничные цены на поваренную соль в стране были ниже рыночных в 3,4 раза, на мясо и мясопродукты, хлеб, муку, крупу, макаронные изделия и на детской питание – в 3 раза, товары для детей – в 2,95 раза, на сахар, а также одежду и обувь – в 2,35 раза, на молоко и молочные продукты и рыбные товары – в 2,3 раза, на яйца, растительное масло, майонез и чай – в 2 раза и т.д.⁷

Спустя полтора года после принятия Указа, в соответствии с которым осуществлялись единовременные компенсационные выплаты, а именно 10 мая 1995 г. был принят Федеральный закон № 73-ФЗ «О восстановлении и защите сбережений граждан Российской Федерации»⁸, которым была введена долговая стоимость единицы номинала целевого долгового обязательства Российской Федерации, определяемая соотношением покупательной способности российского рубля на конкретную дату и покупательной способности советского рубля в 1990 г. Однако этот закон, статья 2 которого установила, что «гарантированные сбережения граждан являются государственным внутренним долгом Российской Федерации», носит формальный характер, поскольку в обозримой перспективе компенсация дореформенных вкладов не предусматривается. В 2020 г. необходимая сумма для компенсации сбережений оценивалась в 45,4 трлн руб., что оказалось в 5,7 раза больше размера Фонда национального благосостояния и в 2,3 раза – расходов бюджета.

Казалось бы, на этом можно было бы поставить точку: дореформенные сбережения населения не представляли в названной в свое время Я. Корнаи «экономике дефицита» самостоятельной ценности. Они становились значимыми при условии получения доступа к системам распределения – будь то продукты питания, промышленные товары или бытовые услуги. Однако имеется точка зрения, что государство должно было признать эти сбережения внутренним долгом Российской Федерации не в 1995 г., спустя несколько лет после так называемой шоковой те-

6 Петр Авен: «У Гайдара было вполне имперское сознание» (2021) // Коммерсантъ // <https://www.kommersant.ru/doc/4702608?fbclid=IwAR0DmEZyexB2qNIRuNUbewKj93v0isZ1g7-7eEahijxjS2mTxrVR2bWEpхg>, дата обращения 25.04.2021.

7 <https://docs.cntd.ru/document/9002892>, дата обращения 11.05.2021.

8 <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7843>, дата обращения 11.05.2021.

рапии 1992–1993 гг., а гораздо раньше – накануне либерализации цен.

Но это совершенно иной срез проблемы, связанной с дореформенными сбережениями граждан. С содержательной точки зрения речь в данном случае идет скорее не об экономических, а о социальных вопросах, а именно, о тех формах, в которых эти обязательства могли бы быть погашены. Можно сказать, что государство, признав свою ответственность перед гражданами, сделало им пока еще виртуальный «подарок», поскольку, как свидетельствует статистика, дореформенные сбережения были своего рода фикцией в прежней экономической системе.

Варианты компенсации дореформенных вкладов

В принципе можно согласиться с теми экспертами, которые, обвиняя правительство «младореформаторов» в ликвидации дореформенных сбережений граждан России, анализируют повышение оценки рыночных реформ при предоставлении возможностей гражданам использовать свои сбережения советского периода в процессе приватизации или же еще раньше – путем открытия ранее закрытых для них рынков. Так, государство теоретически могло снять ограничения на приобретение населением «производственно-технического оборудования, грузового и пассажирского транспорта, квартир, магазинов, предприятий бытового обслуживания, других объектов малой приватизации, недвижимости, земельных участков сельскохозяйственного, производственного, жилищного назначения, иностранной валюты» [Илларионов, 2013]. Естественно, что такое решение, скорее всего, повысило бы сбалансированность потребительского рын-

ка, однако далеко не факт, что после либерализации цен часть приобретенных активов не перешла бы в категорию неликвидов, не востребованных в новых экономических условиях.

Еще один вариант, определяемый теми же социальными соображениями, который теоретически мог бы быть использован, – это введение дифференцированных по номиналу (в зависимости от имевшихся к 1 января 1992 г. сбережений) ваучеров для использования в качестве инструмента при приватизации государственной собственности, стартовавшей в конце 1992 г. Однако этот вариант не рассматривался, и дореформенные сбережения населения, которые могли гипотетически трансформироваться в «крупнейший в стране инвестиционный ресурс», таковым не стали, а «когда у российских граждан стали появляться новые сбережения, сделанные уже в условиях рыночной экономики, процесс массовой приватизации государственной собственности в основном был завершен».

Тем не менее для смягчения социальной напряженности на начальном этапе рыночных реформ государством был задействован важный амортизационный механизм – бесплатная приватизация жилья вне зависимости от его размера (в конце 1980-х – начале 1990-х годов рассматривался вариант бесплатной приватизации жилья только в пределах его социальной нормы). В первоначальной редакции Закона Российской Федерации от 4 июля 1991 г. № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» имелись отмененные уже в декабре 1992 г. статьи, устанавливавшие размер и потребительские качества бесплатно передаваемых в собственность граждан жилых помещений и их стоимость, а также предусматривавшие необходимость оплаты гражданами разницы между общей стоимостью жилья и сто-

имостным эквивалентом той его части, на которую распространялось право бесплатной приватизации⁹.

Процесс приватизации жилищного фонда пошел достаточно быстрыми темпами, имея локальные максимумы после того, как приближался впоследствии неоднократно продлевавшийся срок бесплатной приватизации. Так, в 1995–2018 гг. в общей сложности были приватизированы 21,7 млн жилых помещений суммарной площадью более 1 млрд кв. метров¹⁰ при среднем размере приватизированной жилой площади 46,9 кв. м (от 42,1 кв. м в 2018 г. до 49 кв. м в 2004 г.). В результате большинство населения, фактически не получившее экономически значимых дивидендов от приватизации, получило активы на рынке жилья.

Безусловно, это решение не может быть признано абсолютно справедливым с социальной точки зрения, поскольку полноценное участие в бесплатной приватизации жилищного фонда было недоступно для абсолютного большинства сельских жителей страны, кто проживал в собственных домах (в 1990 г. доля сельского населения в общей численности населения России составляла 26,3%). В отношении этой категории жителей компенсирующей мерой стало закрепление за работниками при реорганизации сельскохозяйственных предприятий имущественных паев и земельных долей. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 2 марта 1992 г. № 213 норма бесплатной передачи определялась делением всей площади сельскохозяйственных угодий в пределах сельскохозяйственных предприя-

тий района на суммарную численность лиц, работающих в сельском хозяйстве, включая пенсионеров, ранее работавших в сельском хозяйстве, и лиц, занятых в социальной сфере на селе¹¹. В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 сентября 1992 г. № 708 «О порядке приватизации и реорганизации предприятий и организаций агропромышленного комплекса» определение размера индивидуальных имущественных паев осуществлялось на основании оценки стоимости всего имущества реорганизуемого предприятия¹².

Однако подобного рода «компенсация» была менее эффективной для сельского населения по сравнению с приватизацией жилищного фонда. Во многих случаях – там, где сельское хозяйство было убыточным и поддерживалось средствами государственного бюджета (например, в регионах Ближнего Севера, таких как Костромская или Вологодская области), полученные бесплатно земельные и имущественные паи фактически не имели рыночной стоимости и не могли быть проданы при наличии у собственника такого намерения. Кроме того, был установлен запрет на вывод паев новых совладельцев специализированных сельскохозяйственных предприятий (племенные и конные заводы, селекционно-гибридные центры, хозяйства высших и средних специальных сельскохозяйственных учебных заведений и НИИ и т.п.). Кроме того, не допускалось выделение земельных долей в натуре при реорганизации сельскохозяйственных предприятий, расположенных в зоне субтропиков¹³.

9 <http://ivo.garant.ru/#/document/10105719/paragraph/10018:0/>, дата обращения 14.05.2021.

10 Рассчитано по данным сборника Росстата: «Жилищное хозяйство в России» за соответствующие годы // Федеральная служба государственной статистики // <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13234/>, дата обращения 18.05.2021.

11 <https://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-02031992-n-213/>, дата обращения 19.05.2021.

12 <https://sudact.ru/law/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-04091992-n-708/>, дата обращения 19.05.2021.

13 Там же.

Резюмируя, можно сделать следующие принципиальные для новейшей экономической истории России выводы.

Действительно, к началу экономических реформ сбережения населения СССР и РСФСР как ее составной части, не будучи обеспечены товарными запасами, обесценились, причем сам процесс обесценивания был связан не собственно с реформами, а с особенностями «экономики дефицита», существовавшей в прежнем СССР. Их восстановление в прежнем формате в новых экономических условиях было невозможно. Таким образом, компенсация дореформенных сбережений населения теоретически могла быть осуществлена только на принципиально иных основах.

Один из вариантов подобной компенсации мог состоять в дифференциации масштабов участия держателей дореформенных сбережений в приватизации государственной собственности в зависимости от размеров вкладов. Однако он не был использован, а приватизационные чеки, выдача которых населению в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 14 августа 1992 г. № 914 «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации»¹⁴ началась 1 октября 1992 г., имели единый номинал 10 тыс. рублей. При этом приватизация никак не увязывалась с дореформенными вкладами населения и идеологически обеспечивалась утверждением о выравнивании стартовых условий в новой экономике для всех граждан страны.

В конечном счете был выбран вариант бесплатной приватизации жилищного фонда и выделения земельных и имущественных паев работавших в сельском хозяйстве. Здесь действительно имела место дифференциация. Од-

нако она была связана не с ранее существовавшими денежными активами граждан, а с конкретными характеристиками приватизируемого жилья, условиями ведения сельского хозяйства в конкретных регионах и т.п. Так, в депривированном положении оказались собственники кооперативных квартир, которые были построены за счет их собственных средств.

В заключение отметим, что и в настоящее время появляются носящие глобальный характер проекты восстановления дореформенных сбережений населения. Один из них предполагает выпуск бондов Центрального банка России с различными периодами обращения на рассчитанную тем или иным способом общую сумму долговых обязательств. Например, в 2015 г. 1 рубль дореформенных сбережений был приравнен к 86 рублям, а общая сумма долговых обязательств исходя из этого условия определена в 22–42 трлн руб. [Blinov, 2015, p. 24]. Однако утверждения, что эти бонды повысят инвестиционный потенциал страны, являются некорректными, хотя бы потому, что по сути их выпуск в обращение вполне сопоставим с раздачей так называемых вертолетных денег. В то же время в современной России существует достаточно механизмов для привлечения в инвестиционных целях временно свободных средств населения, например, облигаций федерального займа для физических лиц.

Демографические показатели. Рождаемость

Критики экономических реформ обращают внимание на резкое ухудшение демографической ситуации в Рос-

14 <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=2187>, дата обращения 20.05.2021.

сии после их начала, а именно, на снижение рождаемости и рост смертности [Глазьев и др., 2002, с. 7–12]. В качестве основных причин снижения рождаемости называют неудовлетворенность населения результатами социально-экономических реформ, тревогу за завтрашний день и неясные перспективы для детей [Ефимова, Иванченко, 2010, с. 146].

Если обратиться к официальным показателям демографической статистики¹⁵, то окажется, что как абсолютные, так и относительные показатели рождаемости в России в начале 1990-х снизились по сравнению с предыдущим десятилетием, прежде всего, по сравнению с первой половиной 1980-х годов. Если в 1981–1990 гг. ежегодно в России рождались в среднем 2,33 млн детей, то в 1992 г., когда начались экономические реформы, – 1,59 млн. Снижение продолжалось вплоть до 1999 г., когда в России появились на свет всего 1,27 млн детей.

Однако сокращение рождаемости началось еще за несколько лет до запуска экономических реформ. После максимума числа рождений, зафиксированного в 1987 г., когда оно составило 2,50 млн человек, в 1991 г. оно снизилось до 1,79 млн человек, сократившись на 28,4%. Подобная динамика во многом объясняется демографическими волнами XX в. в России.

На самом деле во второй половине 1980-х – начале 1990-х годов в детородный возраст вступило поколение, родившееся во второй половине 1960-х годов, когда в тогдашней Российской Федерации, равно как и в СССР в целом, также наблюдался спад рождаемости. В свою очередь он объяснялся последствиями Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Если в 1940 г. в Рос-

сии родились 3,81 млн детей, а в 1941 г. – 3,65 млн, то в 1946 г. – всего 2,54 млн, или на 1/3 меньше по сравнению с 1940 г. (нужно отметить, что довоенные показатели числа рождений так и не были достигнуты во всей последующей истории России). Послевоенные демографические минимумы и максимумы рождаемости чередуются приблизительно с четвертьвековой частотой (таблица 1).

Так, высокая рождаемость в России 1930-х годов, разное количество погибших в войну в поколении 1920-х годов и среди «допризывных» возрастов, обустройство семей вернувшимися с войны фронтовиками стали факторами также высокой рождаемости в 1950-е годы. Напротив, низкая рождаемость в годы войны и первые послевоенные годы обусловила сокращение числа рождений в 1960-е годы. В дальнейшем ситуация воспроизводилась: рост числа родившихся в 1970-е – начале 1980-х годов сменился их сокращением в конце 1980-х – 1990-е годы (очередной рост этого показателя ожидаемо стартовал в начале 2000-х годов). Таким образом, казалось бы, аргумент критиков реформ, утверждающих, что происходившие в экономике и социальной сфере России в 1990-е годы изменения привели к спаду рождаемости, не подтверждается. Однако на самом деле ситуация является более сложной.

Прежде всего заслуживает внимания относительный показатель рождаемости – число родившихся в расчете на 1000 жителей. Данные таблицы свидетельствуют, что, действительно, в 1990-е годы его значение уменьшалось. Видно, что после 1965 г. число родившихся в расчете на 1000 жителей было меньше 20 человек, но начиная с 1968 г. наблюдалась повышательная тенденция: если

15 Демографический ежегодник России // Федеральная служба государственной статистики // <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207>, дата обращения: 24.05.2021. Часть данных представлена по: [Андреева и др., 1998].

Таблица 1. Рождаемость в России
Table 1. Birth rate in Russia

Год	Число родившихся, млн человек	Число родившихся на 1000 жителей, человек
1930	4,413	43,6
1935	3,577	34,6
1940	3,814	34,4
1946	2,546	26,0
1950	2,746	26,9
1955	2,942	26,4
1960	2,782	23,2
1965	1,991	15,7
1970	1,904	14,6
1975	2,106	15,7
1980	2,203	15,9
1985	2,375	16,6
1990	1,989	13,4
1991	1,794	12,1
1992	1,588	10,7
1993	1,379	9,4
1994	1,408	9,6
1995	1,364	9,3
1996	1,305	8,9
1997	1,260	8,6
1998	1,283	8,8
1999	1,215	8,3
2000	1,267	8,7
2005	1,457	10,2
2010	1,789	12,5
2015	1,941	13,3
2019	1,481	10,1

Источники. Составлено по: Демографический ежегодник России // Федеральная служба государственной статистики // <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207>, дата обращения 26.05.2021; [Андреева и др., 1998].

в 1968 г. этот показатель составил 14,1 человека, то в 1987 г. – 17,2 человека (локальный на данном временном промежутке максимум показателя, зафиксированный в 1983 г., составил 17,5 человека). После этого он стал снижаться и в последний год существования СССР оказался на 5,4 человека меньше. Подъем рождаемости начался после 1999 г., когда в расчете на 1000 жителей в стране родились 8,3 ребенка, в то время как в 2014–2015 гг. – уже 13,3 ребенка.

Дальнейшее развитие событий подтверждает, что трудности в экономике становятся фактором снижения относительных показателей рождаемости. После 2014 г., когда реальные располагаемые денежные доходы населения страны начали снижаться (в 2020 г. они оказались на 13,2% меньше, чем в 2013 г.), с лагом, обусловленным естественными причинами, началось сни-

жение рождаемости. В 2016 г. в расчете на 1000 жителей России родились 12,9 детей, в 2017 г. – 11,5, в 2018 г. – 10,9 и в 2019 г. – 10,1. Постоянно продлеваемая программа материнского капитала и ее расширение не переломили эту тенденцию.

Таким образом, приняв гипотезу о влиянии экономической ситуации (прежде всего, доходов населения) на рождаемость, можно арифметически подсчитать количество неродившихся детей в стране в 1990-е годы. При этом следует учитывать, что подобная оценка в значительной степени является механистической (таблица 2).

Приведенный в таблице 2 суммарный показатель демографических потерь страны от снижения рождаемости в 1992–1999 гг. (3,40 млн человек) представляет предельную величину. Если бы смертность среди дополнительно

Таблица 2. Оценка потерь населения России от снижения рождаемости
Table 2. Assessment of losses of the Russian population from a decrease in the birth rate

Год	Число родившихся, млн человек	Рождаемость, человек/1000 жителей	Гипотетическое число родившихся при сохранении рождаемости на уровне 1991 г., млн человек (гр.2×12,1/гр.3)	Потери населения от снижения числа родившихся, млн человек (гр.4-гр.2)
1	2	3	4	5
1991	1,79	12,1	-	-
1992	1,59	10,7	1,80	0,21
1993	1,38	9,4	1,78	0,40
1994	1,41	9,6	1,78	0,37
1995	1,36	9,3	1,77	0,41
1996	1,30	8,9	1,77	0,47
1997	1,26	8,6	1,77	0,51
1998	1,28	8,8	1,76	0,48
1999	1,21	8,3	1,76	0,55
1992–1999	10,79	-	14,19	3,40

Источник. Составлено и рассчитано по данным табл. 1.

родившихся в 1992–1999 гг. отсутствовала (такое предположение при степени точности наших расчетов вполне допустимо), то население России в начале 2000 г. могло бы составить не 145,56, а 148,96 млн человек, или на 2,3% больше. Таким образом, формально экономические реформы, действительно, повлияли на снижение числа родившихся в расчете на 1000 жителей. Однако общие демографические потери от снижения числа рождений не следует объяснять только экономическими реформами, поскольку, как это было показано выше, их начало совпало с очередной впадиной демографической волны, генезис которой не связан с экономическими преобразованиями. Эта волна не могла не повлиять на снижение числа рождений в последующем – во второй

половине 2010-х годов [Рыбаковский, 2012]. В таблице 3 приводятся результаты укрупненной оценки естественного снижения рождаемости, обусловленного очередной демографической волной.

Проведенная оценка, конечно, является достаточно общей. Она разработана исходя из того, что средний возраст женщины при рождении ребенка составляет 25 лет (это соответствует реальной ситуации). Таким образом, при снижении популяции при прочих равных условиях неизбежно происходит снижение рождаемости. Рассчитанное по предложенному в таблице 3 алгоритму сокращение рождаемости в условиях демографической волны, которая доминировала в России в 1990-е годы, составило 4,55 млн человек. Добавив эту величину к потерям населе-

Таблица 3. Оценка влияния демографической волны в снижении рождаемости в России

Table 3. Assessment of the demographic wave impact on the decline in the birth rate in Russia

Год	Число родившихся, млн человек	(1966=1)	Год	Число родившихся, млн человек		Снижение рождаемости, обусловленное демографической волной, млн человек гр.6-гр.5.
				Гипотетическое гр.2×гр.3	Фактическое	
1	2	3	4	5	6	7
1966	1,96	1,000	1991	-	-	-
1967	1,85	0,945	1992	1,75	1,59	-0,16
1968	1,82	0,928	1993	1,69	1,38	-0,31
1969	1,85	0,944	1994	1,75	1,41	-0,34
1970	1,90	0,972	1995	1,85	1,36	-0,49
1971	1,97	1,009	1996	1,99	1,30	-0,69
1972	2,01	1,029	1997	2,07	1,26	-0,81
1973	1,99	1,019	1998	2,03	1,28	-0,75
1974	2,08	1,062	1999	2,21	1,21	-1,00
-	-	-	1992–1999	15,34	10,79	-4,55

Источник. Составлено и рассчитано по данным таблиц 1 и 2.

ния из-за сокращения относительно показателя рождаемости, получим суммарное падение числа рождений 7,95 млн человек, 57% из которого составил вклад демографической волны, а 43% – вклад других факторов.

Демографические показатели. Смертность

Второе обвинение, предъявляемое реформаторам в сфере демографии, – это рост смертности в 1990-е годы. Здесь в первые годы экономических преобразований тоже наблюдалась картина, аналогичная ситуации с динамикой рождаемости, только с обратным знаком. Если в 1991 г. в расчете на

1000 жителей страны умерли 11,4 человека, то в 1992 г. – 12,2, в 1993 г. – 14,5, а в 1994 г. – 15,7 человека. Однако в дальнейшем тенденция сменилась на противоположную, и смертность в России начала снижаться. В 1995 г. она составила 15 человек в расчете на 1000 жителей, а в 1998 г. – 13,6 человека. Рост же смертности, причем существенно больший по сравнению с первой половиной 1990-х годов, происходил в первой половине 2000-х годов, когда экономическая ситуация в стране при росте цен на углеводородное сырье стала улучшаться. Так, в 2002 г. в расчете на 1000 жителей в России умерли 16,2 человека, в 2003 г. – 16,4, в 2004 г. – 15,9 и в 2005 г. – 16,1 человека. Иными словами, утверждение, что смертность непо-

Таблица 4. Смертность по основным классам причин смертности в России в расчете на 100 тыс. жителей и структура смертности
Table 4. Mortality by the main classes of causes of death in Russia per 100 thousand inhabitants and the structure of mortality

Причины	Уровень к 1990 г.			Структура, %		
	1990 г.	1995 г.	2000 г.	1990 г.	1995 г.	2000 г.
Все причины,						
в том числе:	1,00	1,34	1,37	100	100	100
- некоторые инфекционные и паразитарные болезни	1,00	1,71	2,07	1,08	1,84	2,19
- новообразования	1,00	1,05	1,06	17,37	18,04	17,99
- болезни системы кровообращения	1,00	1,28	1,38	55,28	52,80	55,34
- болезни органов дыхания	1,00	1,25	1,19	5,31	4,94	4,59
- болезни органов пищеварения	1,00	1,61	1,55	2,57	3,08	2,91
- несчастные случаи, отравления и травмы,						
из них:	1,00	1,77	1,64	11,97	15,81	14,32
• случайные отравления алкоголем	1,00	2,73	2,38	0,97	1,97	1,67
• самоубийства	1,00	1,57	1,49	2,37	2,77	2,56
• убийства	1,00	2,15	1,98	1,27	2,06	1,85

Источник. Рассчитано по: Российский статистический ежегодник – 2003 // Федеральная служба государственной статистики // https://gks.ru/bgd/regl/b03_13/Main.htm, дата обращения 02.06.2021.

средственно связана с экономической ситуацией в стране, нуждается в дополнительной проверке. Для этого логично использовать данные о динамике структуры умерших по причинам смерти (таблица 4).

В 1990-е годы, как и отмечают критики экономических реформ, произошел ускоренный рост умерших от внешних причин, которые, следует признать, были связаны с ситуацией, сложившейся в стране в связи с кардинальной ломкой существовавшей модели устройства общества. Наиболее значимый относительный рост умерших в 1995 г. по сравнению с 1990 г. произошел от случайных отравлений алкоголем, что было обусловлено, во-первых, отсутствием контроля за производством и оборотом алкогольной продукции и, во-вторых, падением доходов у значительной части населения и ориентацией их спроса на дешевый сегмент рынка алкоголя. Также заметный относительный рост был зафиксирован и по причине «убийство», что было связано во многом с перedelом собственности и сфер влияния между преступными группировками, а также ростом уличной преступности. Что касается самоубийств, то их относительный рост был существенно ниже и, по-видимому, оценки негативного влияния реформ на стрессоустойчивость населения являются завышенными. Во второй половине 1990-х годов ситуация со смертностью, обусловленной внешними причинами, стала менее острой, и доля умерших от случайных отравлений алкоголем, убитых и покончивших жизнь самоубийством, составившая в 1990 г. в совокупности 4,61%, увеличилась до 6,8% в 1995 г. и сократилась в 2000 г. до 6,08%. В целом доли умерших в результате несчастных случаев, отравлений и травм составили в эти годы, соответственно, 11,97, 15,81 и 14,32%.

Что касается абсолютного числа умерших от причин, которые в той или

иной степени могут объясняться влиянием экономических реформ, то на первый взгляд он был значительным. Так, количество умерших от случайных отравлений алкоголем в 1995 г. оказалось в 2,7 раза больше по сравнению с 1990 г., в результате убийств – в 2,1 раза и самоубийств – в 1,6 раза, а в целом от несчастных случаев, отравлений и травм – в 1,8 раза. Однако абсолютное число умерших от названных причин в 1995 г. составило, соответственно, 29,5 тыс., 30,7 тыс. и 41,4 тыс. (в целом – 236,6 тыс.), что на фоне общего числа умерших в 1995 г. (2203,8 тыс.) является относительно небольшой величиной.

Критики реформ, говоря об их негативных демографических последствиях, используют еще один аргумент. Речь идет об ускоренном росте смертности трудоспособного населения в первой половине 1990-х годов. Это утверждение проверяется динамикой отношения смертности лиц трудоспособного возраста к общей смертности населения (таблица 5).

Рост относительно средних показателей смертности в когорте мужчин трудоспособного возраста произошел, прежде всего, у накопивших значительный трудовой опыт в плановой экономике и приближавшихся к пенсионному возрасту, за исключением тех, кому до пенсии оставалось не более 5 лет. Безусловным лидером по росту смертности оказались мужчины в возрасте от 50 до 54 лет (отношение смертности в этой возрастной группе к общей смертности мужчин увеличилось в 1995 г. по сравнению с 1991 г. на 0,23), за ними следовали мужчины двух предыдущих возрастных групп – от 45 до 49 лет и от 40 до 44 лет (соответственно, 0,17 и 0,16). Что касается молодых мужчин в возрасте от 20 до 24 и от 25 до 29 лет, то у них было больше шансов адаптироваться к новым экономическим условиям, и относительная смерт-

Таблица 5. Относительная смертность трудоспособного населения в России
Table 5. Relative mortality of employable population in Russia

Гендер/Возраст, лет*	Годы				
	1991	1992	1993	1994	1995
Мужчины – всего,					
из них:	1	1	1	1	1
20–24	0,23	0,24	0,24	0,23	0,26
25–29	0,30	0,32	0,32	0,31	0,33
30–34	0,38	0,42	0,44	0,44	0,44
35–39	0,50	0,54	0,59	0,61	0,60
40–44	0,68	0,75	0,84	0,86	0,84
45–49	0,98	1,03	1,11	1,18	1,15
50–54	1,39	1,49	1,58	1,65	1,62
55–59	1,96	1,94	1,96	2,06	2,02
Женщины – всего,					
из них:	1	1	1	1	1
20–24	0,07	0,07	0,08	0,07	0,08
25–29	0,08	0,09	0,09	0,09	0,10
30–34	0,10	0,11	0,12	0,13	0,13
35–39	0,15	0,16	0,18	0,19	0,19
40–44	0,23	0,25	0,28	0,30	0,29
45–49	0,35	0,37	0,41	0,45	0,44
50–54	0,50	0,54	0,60	0,65	0,64

* Исходя из имеющихся статистических данных в качестве нижней границы трудоспособного возраста мужчин и женщин были приняты 20 лет.

Источник. Рассчитано по данным Единой межведомственной информационной статистической системы (ЕМИСС) // <https://www.fedstat.ru/indicator/30974>, дата обращения 03.06.2021.

ность в этой категории увеличилась незначительно (на 0,03 в каждом из двух случаев).

У женщин ситуация оказалась схожей с мужчинами: наиболее тяжело перенесли стресс экономического перехода те, у кого основная часть трудовой жизни пришлось на советский период. Относительно среднего показателя смертности среди женщин в возрастной группе от 50 до 54 лет в 1995 г. она оказалась выше по сравнению с

1991 г. на 0,14, а в группе от 45 до 49 лет – на 0,09. Практически не увеличилась на первом этапе реформ относительная смертность у женщин в возрасте от 20 до 24 и от 25 до 29 лет (в каждом из этих случаев она увеличилась всего на 0,01). В целом же статистически подтверждается, что женщины на начальном этапе экономических реформ оказались более стрессоустойчивыми к трудностям переходного периода по сравнению с мужчинами.

Демографические показатели. Продолжительность жизни

Наконец, третий показатель, снижение которого ставится в упрек «младореформаторам» их критиками, – это ожидаемая продолжительность жизни при рождении¹⁶. Согласно данным Росстата, после начала реформ она начала снижаться. Если в 1991 г. она составила 69,01 года, то в 1992 г. – 67,89, в 1993 г. – 65,14, а в 1994 г. – 63,98 года, т.е. на 7,3% меньше по сравнению с 1991 г. Однако это значение показателя оказалось минимальным в 1991–2000 гг., и в дальнейшем его значения были выше (например, в 2000 г. ожидаемая продолжительность жизни при рождении составила 65,27 года). При этом в зону наибольшего риска попали мужчины: ожидается, что родившиеся в 1994 г. проживут в среднем 58,91 года, или на 9,2% меньше по сравнению с родившимися в 1991 г., в то время как соответствующие показатели у женщин составили 71,18 года, или 4,2%. Таким образом, влияние начального этапа реформ на снижение в первой половине 1990-х годов ожидаемой продолжительности жизни при рождении выглядит очевидным (напомним, что смертность населения в этот период действительно увеличилась).

В целом полученные выводы во многом схожи с результатами, которые были получены некоторыми другими исследователями. Многие из них полагают, что основными факторами избыточной смертности в России в 1990-е годы стали алкоголизм (прежде всего, употребление крепкого алкоголя) и наркомания, в то время как сами экономические реформы повлияли на смерт-

ность в существенно меньшей степени. Эти же факторы и обусловили снижение рождаемости из-за преждевременной смертности лиц младших возрастных групп [Korotayev, Khalturina, 2008, pp. 79–80].

Заключение

Проведенный статистический анализ показал, что оценки первичных (в первой половине 1990-х годов) последствий той модели экономических реформ в России, которая была выбрана «младореформаторами», неоднозначны и не сводятся либо только к отрицательным, либо только к положительным. Так, с одной стороны, обесценение советских сбережений населения как необеспеченных товарной массой фактически произошло до начала реформ. С другой стороны, возможности компенсации этих вкладов за счет принятия иных условий приватизации использованы не были. Дело ограничилось предоставлением населению права бесплатной приватизации квартир без учета наличия / отсутствия у участников приватизации дореформенных вкладов.

Снижение общего числа родившихся в начале 1990-х годов во многом было обусловлено естественными причинами, однако при этом произошло и падение числа родившихся в расчете на 1000 жителей России. Это могло быть объяснено изменением жизненного уклада и стереотипов поведения населения, отсутствием четких перспектив и неуверенностью в завтрашнем дне, однако само это падение происходило еще во второй половине 1980-х годов.

---

¹⁶ Определяется Росстатом как число лет, которое в среднем предстояло бы прожить человеку из некоторого гипотетического поколения родившихся при условии, что на протяжении всей жизни этого поколения уровень смертности в каждом возрасте останется таким, как в годы, для которых вычислен показатель (Методические пояснения // Федеральная служба государственной статистики // https://gks.ru/bgd/regl/B02_16/IssWWW.exe/Stg/d010/i010250r.htm, дата обращения 02.06.2021).

В целом сокращение рождаемости повлияло на численность населения России незначительно.

Смертность, обусловленная медицинскими причинами, в первой половине 1990-х годов росла опережающими темпами. При всей трагичности каждой конкретной судьбы (и в этом с критиками реформ можно согласиться) суммарное влияние на динамику численности населения России было незначительным. Безусловно, экономические реформы и реструктуризация рынка труда обусловили попадание в группу риска повышенной смертности работников старших возрастных групп (в первую очередь мужчин), которые не видели для себя перспектив на формирующемся рынке труда.

История, в том числе экономическая, не знает сослагательных наклонений. И последствия той модели экономических реформ, которая была реализована в России в начале 1990-х годов, как положительные, так и отрицательные, уже не могут быть изменены: они ушли в ту самую историю и стали предметом аналитических исследований. В настоящей статье была предпринята попытка очистить их от политических спекуляций как «справа», так и «слева» и постараться представить читателю беспристрастные результаты статистического анализа.

В данной статье из-за ее небольшого объема невозможно было отразить все социальные последствия реформ 1990-х годов. Так, за ее пределами оказались проблемы рынка труда, возникшие после открытия российской экономики. Это широкий пласт проблем неконкурентоспособности многих российских предприятий и необходимости реструктуризации занятости. Исследовательские вопросы в данном случае тем более интересны, что до сих пор действие компенсационных механизмов, позволивших стране не столкнуться с

массовой безработицей, изучены недостаточно. Однако это могло бы составить предмет отдельной работы.

Список литературы

Андреева Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. (1998). Демографическая история России: 1927–1959. М.: Информатика.

Бахвалова М. (2020). Советские вклады: как государство будет расплачиваться с населением по старым долгам // Клерк. 14 января 2020 // <https://www.klerk.ru/buh/articles/494474/>, дата обращения 04.05.2021.

Гайдар Е.Т. (2006). Гибель империи. Уроки для современной империи. М.: РОССПЭН.

Глазьев С.Ю., Кара-Мурза С.Г., Батчиков С.А. (2002). Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2001. М.: Алгоритм.

Ефимова И.С., Иванченко Л.А. (2010). Демографические последствия экономических реформ в России // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. Социально-экономические и гуманитарные науки. Т. 2. № 6. С. 146–147 // https://elibrary.ru/download/elibrary_22634852_21543557.pdf, дата обращения 13.05.2021.

Илларионов А. (2013). Государство в долгу: как уничтожили сбережения граждан в Сбербанке СССР // Forbes. 7 мая 2013 // <https://www.forbes.ru/mneniya-column/makroekonomika/238749-gosudarstvo-v-dolgu-kak-unichtozhili-sberezheniya-grazhdan-v-sb>, дата обращения 13.05.2021.

Назаров В. (2013). Советская пирамида: почему вклады граждан СССР были фикцией // Forbes. 27 февраля 2013 // <https://www.forbes.ru/mneniya-column/istoriya/234847-sovetskaya-piramida-pochemu-vklady-grazhdan-sssr-byli-fiktsiei>, дата обращения 11.05.2021.

Рыбаковский Л.Л. (2012). Демографические вызовы: что ожидает Россию? // Социологические исследования. № 8. С. 49–60.

Blinov S. (2015). Savings and Inflation Using the Example of Russia in 1992 // MPRA. Paper no 67147 // <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/67147/>, дата обращения 12.08.2021.

Korotayev A., Khalturina D. (2008). Russian Demographic Crisis in Cross-National Perspective // Russia and Globaliza-

tion: Identity, Security, and Society in an Era of Change (ed. Blum D.W.), Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, pp. 37–78. DOI: 10.13140/2.1.1452.9600

Sedik D. (1985). The Growth of Savings Deposits in USSR: Two Views among Soviet Economists // https://www.academia.edu/24455054/The_Growth_of_Savings_Deposits_in_USSR_Two_Views_Among_Soviet_Economists, дата обращения 12.08.2021.

Russian experience

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-5

Social Consequences of Economic Reforms: Subjective Perception vs Statistical Data

Sergey N. SMIRNOV

DSc in Economy, Head of the Center, Center for Analysis of Social Programs and Risks of the Institute of Social Policy

National Research University “Higher School of Economics” (HSE University), 109028, Pokrovsky Boulevard, 11, Moscow, Russian Federation;

Leading Researcher, Department of Economics

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), 117418, Nakhimovsky Av., 51/21, Moscow, Russian Federation

E-mail: sernsmirnov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9206-0167

CITATION: Smirnov S.N. (2021). Social Consequences of Economic Reforms: Subjective Perception vs Statistical Data. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 5, pp. 100–118 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-5

Received: 15.07.2021.

ACKNOWLEDGEMENTS: The article is prepared under the grant of the Russian Foundation for Basic Research No. 19-011-00943 “Forward to the past: archaic and archaic tendencies in modern Russian society (interdisciplinary analysis)”.

ABSTRACT. *The attitude of the Russian population to the economic reforms that began in this country in January 1992 remains ambiguous. While liberals emphasize that*

the government of the “young reformers” has opened the way to economic freedom, their opponents believe that the social and financial price paid by the population for the tran-

sition to the market was too high. The discussions are mainly conducted in the political terms, but rarely in the fields of economic and social analysis. Based on official statistical data, the article attempts to objectively assess to what extent the situation of the early 1990s was inevitable, and to what extent it was the result of economic reforms. The author analyzes the most acute problems from a social point of view, namely the depreciation of pre-reform saving deposits of the population and the deterioration of demographic indicators. The impact of reforms on the labor market is a separate problem that deserves special consideration. Recognizing the inevitability of market reforms, the author considers options for mitigating the severity of the social situation that have not been implemented for various reasons and some of the compensating tools that were adopted by the Russian Government at the initial stage of reforms.

KEYWORDS: economic reforms, pre-reform saving deposits of the population, compensation mechanisms, birth rate, mortality, life expectancy.

References

- Andreeva E.M., Darsky L.E., Kharkova T.L. (1998). *Demographic History of Russia: 1927–1959*, Moscow: Informatics (in Russian).
- Bakhvalova M. (2020). Soviet Deposits: How the State will Pay off Old Debts with the Population. *Clerk*, January 14, 2020. Available at: <https://www.klerk.ru/buh/статьи/494474/>, accessed 04.05.2021 (in Russian).
- Blinov S. (2015). Savings and Inflation Using the Example of Russia in 1992. *MPRA*. Paper no 67147. Available at: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/67147/>, accessed 12.08.2021.
- Efimova I.S., Ivanchenko L.A. (2010). Demographic Consequences of Economic Reforms in Russia. *Actual Problems of Aviation and Cosmonautics. Socio-economic and Humanitarian Sciences*, vol. 2, no 6, pp.146–147. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_22634852_21543557.pdf, accessed 13.05.2021 (in Russian).
- Gaidar E.T. (2006). *The Death of the Empire. Lessons for a Modern Empire*, Moscow: ROSSPAN (in Russian).
- Glazyev S.Yu., Kara-Murza S.G., Batchikov S.A. (2002). *White Book. Economic Reforms in Russia 1991–2001*, Moscow: Algorithm (in Russian).
- Illarionov A. (2013). The State Is in Debt: How the Savings of Citizens in the Sberbank of the USSR Were Denied. *Forbes*, May 7, 2013. Available at: <https://www.forbes.ru/mneniya-column/makroekonomika/238749-gosudarstvo-v-dolgu-kak-unichtozhili-sberezheniya-grazhdan-v-sb>, accessed 13.05.2021 (in Russian).
- Korotayev A., Khalturnina D. (2008). Russian Demographic Crisis in Cross-National Perspective. *Russia and Globalization: Identity, Security, and Society in an Era of Change* (ed. Blum D.W.), Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, pp. 37–78. DOI: 10.13140/2.1.1452.9600
- Nazarov V. (2013). The Soviet Pyramid: Why the Saving Deposits of Citizens in the USSR Were a Fiction. *Forbes*, February 27, 2013. Available at: <https://www.forbes.ru/mneniya-column/istoriya/234847-sovetskaya-piramida-pochemu-vklady-grazhdan-sssr-byli-fiktstsei>, accessed 11.05.2021 (in Russian).
- Rybakovsky L.L. (2012). Demographic Challenges: What Awaits Russia? *Sociological Studies*, no 8, pp. 49–60. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_17912673_25358559.pdf, accessed 25.04.2021 (in Russian).
- Sedik D. (1985). *The Growth of Savings Deposits in USSR: Two Views among Soviet Economists*. Available at: https://www.academia.edu/24455054/The_Growth_of_Savings_Deposits_in_USSR_Two_Views_Among_Soviet_Economists, accessed 12.08.2021.